

ФУНКЦИИ СОЕДИНИТЕЛЬНОГО ДЕЕПРИЧАСТИЯ
В КЛАССИЧЕСКОМ МОНГОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Деепричастие - одна из самых распространенных глагольных форм в монгольских языках. Высокая частотность употребления, исключительное разнообразие значений и синтаксических функций ставят деепричастие на первое место среди других глагольных форм /повелительно-желательных, изъявительных, причастных/.

В предложениях деепричастия образуют различные по содержанию деепричастные обороты, участвуют в образовании аналитических глагольных форм, служащих для выражения видо-временных и модальных значений.

Деепричастия объединяются общим признаком формальной неизменяемости. Будучи образованными от глагольных основ посредством деепричастных суффиксов-окончаний, деепричастия предстают как законченные, далее неизменяемые глагольные формы слова /исключение представляют только суффиксы личного и возвратного притяжений, которые могут следовать после ряда деепричастий II-й группы/.

В отличие от изъявительных и причастных глагольных форм деепричастия являются формой "незаконченной предикации", так как сами по себе они не способны выразить отношение действия к моменту речи, а следовательно, время совершения обозначенного ими действия зависит от времени заключительной глагольной формы, т.е. от собственно предикативных глагольных форм. Не имея категории времени, самостоятельного временного значения, деепричастия в этом отношении зависят от управляющих глаголов /II, 228; 5,474/. Однако, не обладая категорией времени, деепричастия обладают относительным временным значением. Они выражают время не по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени заключительного глагольного сказуемого. Выражение относительного глагольного времени - общий признак деепричастий. Этот факт отмечается многими исследователями разных языков/8, 138-139; 12, 175; 4, 187; II, 228; 13, 36/.

Итак, если в собственно предикативных, назывательных глагольных формах временные значения находятся в прямом отношении с моментом высказывания, то в деепричастных эти отношения всегда опосредствованы через значение заключительного глагола-сказуемого.

Это, однако, не значит, что временные значения деепричастных форм всегда совпадают с таковыми заключительного глагольного сказуемого. Они могут быть и нередко оказываются равными. В зависимости от формы деепричастия, семантики его глагольной основы, а также семантики глагола, к которому деепричастие относится, характер совершения выраженного деепричастием действия бывает различным по отношению к действию заключительного глагола: это действие может предшествовать, быть синхронным или следовать после действия глагола, к которому относится деепричастие.

Как глагольная форма, деепричастие обладает и другими глагольными категориями, такими как вид, модальность. Однако подобно временным значениям эти значения не выражены в самих деепричастных формах, а оказываются всегда опосредствованными и зависимыми либо от вспомогательного глагола, либо от заключительного глагола-сказуемого /12, 300-301/.¹ Аналитические конструкции, состоящие из деепричастия и служебного глагола-модификатора, служат для передачи способа и характера протекания действия. При этом в роли служебного глагола-модификатора часто выступают полнозначные глаголы с той или иной степенью утраты своего вещественного значения. В таких конструкциях деепричастная форма несет основное лексическое значение. Глагол же - модификатор, утрачивая полностью или частично свое вещественное значение, грамматикализуется и вся конструкция предстает как нечленимое единство, передающее грамматическое значение всего комплекса.

¹/Трудно согласиться с мнением некоторых исследователей, что в монгольских языках сама деепричастная форма, т.е. деепричастные аффиксы, например, = \bar{a} /соединительное деепричастие/, = $\bar{a}a\bar{d}$ /разделительное деепричастие/ и др. выражают категорию вида /14, 66, 87/. Мы придерживаемся той точки зрения, что видо-вые значения передаются этими деепричастиями в сочетании с вспомогательными глаголами и глагольными связками.

По своему происхождению, структуре и семантике деепричастные формы не однородны и поэтому обычно подразделяются на группы.

В монголистике существует деление деепричастий на: I – сопутствующие и II – обстоятельственные. Считается, что сопутствующие деепричастия /соединительное, слитное, раздельное/ "сопутствуют действиям управляющих глаголов", а обстоятельственные /условное, уступительное, целевое, продолжительное и др./ указывают на обстоятельства, "при которых совершаются действия тех же управляющих глаголов" /Ю, 77; II, 227; З, 272; I, 215, 222/. Однако, если название "обстоятельственные" в какой-то мере отражает значение и функции этой группы деепричастий, то название "сопутствующие" вряд ли соответствует всему многообразию значений деепричастий первой группы, так как в предложениях они обозначают не только действия добавочные, сопутствующие, предворяющие или дополняющие главное действие, обозначенное заключительной глагольной формой, но и действия вполне самостоятельные и независимые, не являющиеся сопутствующими главному. Поэтому целесообразнее называть их деепричастия I-ой и деепричастия II-ой группы. Между деепричастиями этих двух групп имеются существенные различия.

Деепричастия I-ой группы более "глагольны" по своему значению. Это ярковыраженные глагольные формы, обозначающие, в основном, действия, связанные с другими действиями, тогда как деепричастия II-ой группы имеют более "именный" характер, обладая некоторыми признаками причастий, доказательством чему может служить способность многих из них принимать после себя суффиксы личного и возвратного притяжений, что абсолютно исключено для деепричастий I-ой группы. Деепричастия II-ой группы в большинстве случаев имеют обстоятельственные значения времени, цели, образа действия и т.п.

Памятники монгольской письменности XIII–XIV вв. свидетельствуют, что деепричастия I-ой группы употребляются там как уже вполне сформировавшаяся категория слов, сохранившаяся в том же виде и в современных монгольских языках, хотя отсутствие более ранних письменных монгольских памятников не дает

возможности определить время их появления в языке и установить о полной определенности, к каким грамматическим формам они восходят.

Что же касается деепричастий II-ой группы, то те же памятники свидетельствуют, что далеко не все деепричастия этой группы употреблялись в древности, а то, что структура суффиксов некоторых из них весьма прозрачна, как например: суффикс уступительного деепричастия =ba²ci из ba = /изъявительная форма глагола настоящего времени/ +ci /усилительная частица/ или продолжительного =yasaug из =yca /усеченная форма причастия прошедшего времени/ + =yag /окончание орудного падежа/ говорит о том, что природа и пути образования этих деепричастий иные, по сравнению с деепричастиями I-ой группы.

Следует отметить, что некоторые деепричастия II-ой группы, имеющиеся в современных монгольских языках, отсутствовали в древнем и классическом монгольском /например, деепричастия на =нгаа и =нгуут и др./, что свидетельствует об их более позднем появлении в языке и о том, что разряд деепричастий II-ой группы не так стабилен, как I-ой группы.

Обладая большей долей глагольности, деепричастия I-ой группы в сочетании со служебными или вспомогательными глаголами выступают в предложении в качестве заключительного глагольного сказуемого, тогда как деепричастия II-ой группы /за небольшим исключением/ такой способностью не обладают.

Наблюдения над деепричастиями I-ой группы показывают, что в ряде случаев действия, выражаемые ими, не являются ни добавочными, ни второстепенными по отношению к какому-либо другому действию, что они вполне равноценны с действием, обозначенным в заключительной глагольной форме. В связи с этим вполне справедливо замечание исследователя удмуртских деепричастий П.Н.Перевощикова о том, что "при описании особенностей деепричастия, видимо, надо говорить не столько о добавочном действии, сколько о том, что деепричастие выражает такое действие, которое непременно имеет отношение к другому действию, однако это отношение не обязательно зависимое" /7, II-12/.

Деепричастия I-ой группы образуют деепричастные обороты различной степени зависимости от основного глагола-сказуемого. В некоторых случаях они, имея свой собственный источник действия, свой собственный субъект, выраженный именем в именительном падеже, имеют явную тенденцию освободиться от своего зависимого положения по отношению к основному глаголу-сказуемому, чего не наблюдается в деепричастиях II-ой группы. Образуя деепричастные обороты, деепричастия I-ой группы не управляют /за очень редким исключением/ родительным падежом, тогда как деепричастия II-ой группы управляют им /2, 88-98/. В количественном отношении в языке более употребительны деепричастия I-ой группы.

В данной статье анализируются употребление и функции соединительного деепричастия в классическом монгольском языке на материале памятника монгольской письменности XVII в. "Алтан тобчи" Лувсан Данзана, в котором деепричастные формы являются самыми распространенными из всех зарегистрированных в памятнике деепричастных форм. Употребляется соединительное деепричастие в различных функциях и значениях и имеет различную степень смысловой зависимости от основного глагола-сказуемого.

Обозначая действие, предшествующее действию, выраженному заключительной глагольной формой, соединительное деепричастие выступает в предложении в качестве однородного сказуемого, например: Та egün-i üdter öbciñü sir-a /A I,97/ "Вы его быстренько освежите и заварьте"; tegün-i qoyina цагаан-и ай кетекü idegen харси баса кү үгел болбай /A I,2/ "После того появилась пища под названием "способность разума" и также исчезла". В этих предложениях деепричастия öbciñü "свежу" и харси "появившись" обозначают действия, которые по своей объективной значимости такие же необходимые и важные, как и действия, обозначенные заключительными глагольными формами. Их нельзя назвать второстепенными, ибо они не дополняют и не поясняют главные действия, а являются однородными с ними. Однако в грамматическом отношении /в плане выражения времени, наклонения, лица/ они находятся в непосредственной зависимости

от заключительной глагольной формы. Поскольку деепричастные формы лишены грамматических средств выражения предикативности, постольку они не могут быть названы однородными сказуемыми в полном смысле этого слова.

В первом предложении заключительная глагольная форма *sir-a* "зажарьте" обозначает действие, которому надлежит совершиться в будущем. Это действие относится ко второму лицу множ.числа. Через эту глагольную форму грамматические категории времени, числа, лица распространяются и на действие, обозначенное деепричастной формой. Однако, будучи отнесенным к плану будущего времени, действие, обозначенное деепричастием *ösiçü*, предшествует действию, выраженному заключительной глагольной формой, ибо козел /о нем в тексте идет речь/ сначала будет освежеван, а потом жарен.

Во втором предложении действие, обозначенное заключительной глагольной формой, уже совершилось в прошлом / *ügei bolbaı* - форма прошедшего времени изъявительного наклонения/. Действие, выраженное деепричастием *uğıçı*, также относится к плану прошедшего времени. Но это действие совершается значительно раньше заключительного, оно предшествует ему, что выявляется из контекста: появляется лица, в течение какого-то времени живые существа питаются ею, после чего она исчезает.

Соединительное деепричастие может обозначать и ряд следующих друг за другом действий, например: *Edür buri man-dur irejü nuçusun-eçegen ögçü ösög umdaçın uıju odumu/A I, I4-I5/* "Каждый день /он/ приходит к нам, отдает часть своих уток, пьет кумыс и уходит". В этом предложении действия, обозначенные деепричастиями, совершаются последовательно одним действующим лицом. Они однородны по своим функциям, равноценны, т.е. независимы друг от друга по своей объективной значимости. Все они совершаются в плане одного грамматического времени, выраженного заключительной глагольной формой, хотя каждое из действий в плане этого грамматического времени предшествует последующему: приходит, отдает, пьет, уходит.

Сохраняя лексическую независимость в качестве однородных членов предложения /однородных сказуемых/, деепричастия в грам-

матическом отношении, в плане выражения грамматической категории времени полностью подчинены заключительной глагольной форме, так как только в ней выражается грамматическая категория времени, интонация сообщения и законченности речи как в сказуемом всего предложения.

Кроме функции однородных сказуемых соединительные деепричастия могут обозначать и действия, уточняющие или поясняющие действия, обозначенные как заключительной глагольной формой, так и другими деепричастными и причастными формами. В таких случаях они выполняют роль различного рода обстоятельственного образа действия.

Соединительное деепричастие в обстоятельственной функции является зависимым членом предложения, отношения и связи которого с характеризующим им действием определяются в значительной степени лексическим значением самого деепричастия и той глагольной формы, которую оно определяет. Например:
Jürken-ece nigen em-e kümün doxolju ireged jöbdeki döräge-yi oxtalju arbu
oduqui-yi Belgütei üjged tere em-e-yin kö-i quyu tasıju arkıba

/А I, 77/ "Бельгутей, увидев, как от джуркинцев подошла, прихрамывая, какая-то женщина и, срезав стремя, пошла, перерубил ей ногу". В этом предложении деепричастие doxolju "прихрамывая" относится к следующему непосредственно за ним разделительному деепричастию ireged "подошедши" и характеризует обозначенное им действие с точки зрения того, как, каким образом это действие происходило. Аналитическая форма oxtalju arbu "срезав" /отрезав, взяв/ определяет действие, выраженное причастной формой oduqui "отправиться", указывая на время совершения этого действия: отправилась после того, как срезала.

Равным образом действие, выраженное соединительным деепричастием, может характеризовать последующее действие с точки зрения причины его совершения, например: Ögedei ögüler-ün: erte irekü bolüge bi. Jauıga quım-ud jölxaju udaba /А II, 3/ Огедей отвечал: "Я должен был прибыть рано. По пути встретил пирующих и задержался". Деепричастие jölxaju "встретившись" характеризует заключительное действие с точки зре-

няя причины его совершения: задержался именно потому, что встретил в степи пирующих, а долг, закон гостеприимства не позволял проехать мимо. Действие, обозначенное соединительным деепричастием, может выражать и уступительность, указывая на то, что заключительное действие совершается, /или при наличии частицы отрицания/ не совершается вопреки или несмотря на это действие, например: *Edüge baza Toγan Sira namayı üjejü ülü jıγan odba /yorçiba/* /A I, 4I/. "Вот и сейчас Торган Шира заметил меня, /но/ проехал мимо".

Реже соединительное деепричастие в позиции перед заключительной формой сказуемого имеет целевое значение, например: *Belgütei-yi ilegejü, Boγorçı-yi pöküçey-e kemen urıju ilegebe* /A I, 48/. "Темучин/ послал Бельгутьея пригласить Борчи, сказав /ему/: "Подружись-ка". Кроме того, соединительное деепричастие с относящимися к нему словами образует деепричастные обороты. Являясь организующим центром оборота, деепричастие в таких случаях служит широко распространенным средством связи частей сложного предложения. Имея собственный источник /субъект/ действия, эти деепричастия функционально более свободны и независимы по отношению к заключительному глаголу-сказуемому. В таких случаях деепричастие выступает в качестве сказуемого полупредикативного оборота /2, 83-93/.

Степень проявления самостоятельности таких оборотов разная. Она зависит как от семантического содержания стержневого деепричастия, так и от синтаксической функции оборота в целом. Одни из них носят в той или иной степени подчинительный характер, другие более свободны и независимы в своем значении. Так, например, в предложении: *Edé ber Tömücin Toγorıl Jaqa Qambuu ta, çerig-üdiyen Jazaγad kü morılan jiči neyileldüjü tanıldıju Jamiqa ögüler-ün* /A I, 53/. "Темучин Тогорил, и Джаха Хамбу также выстроили в боевом порядке свои войска, когда сойдясь узнали друг друга, Джамуха сказал, -два самостоятельных источника действий: с одной стороны - это Темучин, Тогорил-хан и Джаха Хамбу, выстроившие свои войска и готовые к бою, с другой - Джамуха, произносящий речь, когда стороны, приблизившись, узнают друг друга. Имена, обо-

значащие субъектов действия, оформлены именительным падежом. Но первая часть предложения, деепричастный оборот, заканчивающийся стержневыми деепричастиями *neyileldüjü tamildüju* "сблизившись, узнав", в целом носит подчинительный характер, указывая на время, момент действия второго действующего лица, осуществляющего действие, обозначенное заключительной глагольной формой. Джамуха произносит речь после того, как обе стороны, приблизившись, узнали друг друга.

Вполне независимы обороты с соединительным деепричастием, когда они выражают причинный характер по отношению к действию, обозначенному заключительным сказуемым, например: *Inanča serig-üd ilegejü jici Ong qaخان хурбан balayad bidun jorigju qara kitadun Güр qaخان-dur oduysan ajuju* /A I, II2-II3/ "Инанча послал войско, тогда Ван-хан ушел к хара-кидатскому Гур-хану, пробравшись через три города". Здесь обе части предложения, деепричастный оборот и основная часть, имеют собственные субъекты действия - имена в именительном падеже. Деепричастный оборот *Inanča serig-üd ilegejü* "Инанча послал /посылая/ войско" выражает логически вполне законченную мысль. Эта законченность подкрепляется и наличием союза *jici* "тогда", которым начинается вторая часть предложения. И только грамматическая несамостоятельность, неоформленность соединительного деепричастия, отсутствие средств выражения предикативности, соотносительность в плане выражения грамматической категории времени, лишает его равноправия и формальной законченности предложения.

Наиболее самостоятельны деепричастные обороты в тех случаях, когда предложение с двумя и более самостоятельными источниками действия носит сочинительный характер, например: *Tömücin dorbezi ayisuqun /iregen/ irgen-dür Borte Borte kelen dayudaju yabiqui-dur uciraju Borte Ujin tede dörbegüljin irgen-dür бүкүи Төмүцин-и дажу соносу танију терген-ече бахурад гүйүју иреју, Borte Ujin Qonojcin qoyar Tömücin-i jolux-a cübuхur-aca barıjuquı* /A I, 39/ "Когда Темучин проезжал среди беженцев и звал "Бортэ! Бортэ!", /он/ встретил /ее/, Бортэ Уджин, услышав голос Темучина, узнала /его/

среди беженцев и, сокочив с повозки, подбежала; Борте Удин к Хоногчи ухватились за поводья /коня/ Темучина". В этом сложном предложении два деепричастных оборота, стержневыми деепричастиями которых являются *uśiŋaŋu* "встретив" и *γūyūjū irejū* "подбежав". Каждый из этих оборотов имеет свой собственный источник действия, свое грамматическое подлежащее — имя в именительном падеже. Предложение в целом носит сочинительный характер, а обороты самостоятельны и независимы как в смысловом, так и функциональном отношениях. События разворачиваются так, что действия, обозначенные в деепричастных оборотах, происходят почти одновременно, следуя друг за другом: Темучин встретил / *uśiŋaŋu* / жену, но и она уже узнала его по голосу и подбежала / *γūyūjū irejū* / к нему, ухватившись вместе со служанкой за поводья его коня. Каждый из этих деепричастных оборотов при наличии грамматической оформленности глагольной связки мог бы быть самостоятельным предложением.

Со связками и служебными глаголами соединительное деепричастие выполняет функцию глагольного сказуемого, где деепричастие обозначает конкретное действие, а связка или служебный глагол грамматически оформляют сказуемое, придавая ему видо-временные или модальные оттенки. При выражении видо-временных оттенков имеет значение как лексическое содержание деепричастия, так и степень абстрагирования значения служебного глагола: в различных сочетаниях степень абстрагирования будет различной.

Служебные глаголы можно подразделить на два вида, полностью грамматикализованные и частично грамматикализованные. Первые выполняют исключительно служебную функцию. Они характеризуются отсутствием функциональной раздвоенности и употребляются только в роли глагольных связок. Наряду с утратой лексического значения заметно ослабление и их временных значений. Вторые употребляются как самостоятельно, так и в служебной функции с той или иной степенью утраты своего лексического значения. К служебным глаголам полной грамматикализации относятся некоторые формы глаголов *a-* и *bō-* / *bū* / "быть". Эти глаголы прошли сложный путь в своем развитии и

претерпели большую эволюцию в своем значении прежде чем превратиться в глагольные связки. Подробнее об этих глаголах см. /II, 76-81; 6, 54-100/.

К XVII веку они уже утратили свое лексическое значение и функциональную самостоятельность и стали употребляться как служебные элементы, указывающие на видо-временные и модальные оттенки. В сочетании со связкой *amu/amui* /форма настоящего будущего времени от глагола *a=* "быть"/ соединительное деепричастие может обозначать действие настоящего времени со значением продолжительности, длительности его в плане этого настоящего, например: I/ ...*eke-inu nabtaraqai nekei debel-tei jügün egüde-ber yaruyad busu kümün-e ögüler-ün: köbegüd minu qad bolçaju kemegdeinüi. Bi ende maçu kümün-dür uçaraju amu* /A I, 62/. "Мать его в рваном овчинном тулупе, выходя через левую дверь, сказала посторонним людям: "Говорят, сыновья мои ханами стали, я же замужем за простым /бедным/ человеком". Связка *amu* придает действию, выраженному деепричастием *uçaraju* "вышедши замуж", характер продолжительности, длительности пребывания в данном состоянии. Действие предстает как когда-то начавшееся и длящееся в данном отрезке настоящего времени. 2/*Qačan yakin eyin kilinglejü amu* /A II, 82-83/. "Хан, почему /ты/ так сердиться?" В этом предложении сочетание *kilinglejü amu* обозначает состояние, в котором пребывает действующее лицо в данный момент настоящего времени.

В контексте сочетание *-ju+amu* может обозначать действие, отнесенное к плану прошедшего времени, например: *Tngri-yin erke kücün-iyer monggol Töbed Kitad-i erke-dür-iyen oçuçuju, Sečen Qačan Pağsba lam-a-yin aci-bar äsajini delgeregüljü amu* /A II, 183/. "Волею Неба, подчинив своей власти Монголию, Тибет и Китай, Сэцэн-хан благодаря Пагва-ламе распространил религию". В этом предложении действие представлено как происходящее в прошлом и даже с оттенком его завершенности. Это, возможно, объясняется затушевыванием грамматического временного значения в связке *amu* и преобладанием в ней видового значения продолжительности /религия распространялась не как одновременный акт, а как длительный во време-

ня процесс/.

Со связкой *ауи* /также форма настояще-будущего времени от глагола *а=* с модальным значением достоверности, убежденности в совершаемом действии/ соединительное деепричастие обозначает продолжительное действие с оттенком полной уверенности в его наличии или осуществлении, например: *Синггис қауан өгүлер-ин: дауисун-а чабуусан күмүн алауған-иуан дауисурууауған-иуан бау-е-бен ниују кеде-бен हुсаји: ауи /өгүлейү /* /А I, 96/ "Чингис-хан сказал: "Человек, перешедший на сторону врага, тая про себя свое доверие и свою враждебность, придерживает свей язык".

Со связкой *ајууи* /форма прошедшего времени от глагола *а=*/ соединительное деепричастие обозначает действие, имевшее место в прошлом с тем же значением длительности, протяженности во времени, но с некоторым оттенком новизны, некоторой неожиданности сообщаемого, например: ...*ет-е ину Ботақи тауған інген-и медејү ајууи* /А II, 23/ "Народом правды /оказывается/ мать его Толстая Ботохой". Сочетание *-ју+böüge*

/форма прошедшего времени от глагола *бэ- /bü- /"быть"* обозначает такое действие, когда вспоминаются события, имевшие место в прошлом, причем говорящий как бы сам является свидетелем тех событий, в результате чего всему высказыванию придается особый экспрессивно-модальный оттенок, например: *Tende Tömücin-i tere qurim-dur kilbara кейкед күмүн-ийет сакіулују böüge* /А I, 39/ "На том пиру Темучина поручили охранять одному слабосильному парню"; *Barim Şigir-tü Qabıci bayatur-un eke-yin inja et-e-yi Bodançar talaju böüge* /А I, 17/ "Боданчар взял себе наложницу, которая вошла в его дом вместе с приданным матерю Барим Шигирту Хэбичи".

В качестве служебных глаголов, придающих деепричастному сказуемому различные видовые оттенки, употребляются многие полнозначные глаголы с той или иной степенью ослабленности своего лексического значения. Эти знаменательные глаголы прошли длительный путь эволюции от лексически полнозначного слова до грамматикализованного служебного элемента. Причем, как уже выше отмечалось, степень утраты лексического значе-

ния и грамматикализации будет различной, и не только для разных глаголов, но для одного и того же глагола: в одних случаях они будут полностью утрачивать свое лексическое значение, превращаясь в чисто служебный глагол, в других - получают более или менее ствлеченный характер. Служебная функция частично грамматикализованных глаголов проявляется только в деепричастных сочетаниях, в которых служебный глагол придает всему такому сочетанию характер продолжительности, длительности или завершенности действия. В функции служебных глаголов, обозначающих продолжительность действия, длительность процесса употребляются глаголы *baui-* "быть, находиться", *yabu-* "идти, ехать", *zaui-* "сидеть, жить, находиться" и др.

В сочетании с деепричастной формой значение продолжительности действия, придаваемое этими глаголами, переплетается с другими оттенками, свойственными значению каждого из этих глаголов. Сочетание *-ju+baui-* указывает на равномерное продолжение обозначенного деепричастием действия в каком-то небольшом по протяженности отрезке времени, например: *ʒjen imiveju bayiba* /A I, 100/ "Государь рассмеялся"; *ʒjen qoriqaju ilduben dalayiju bayiba* /A II, 95/ "Государь размахивал своим мечом, запрещая /стрелять/". В приведенных примерах действия происходили в прошлом, что и выражено формой прошедшего времени служебного глагола. Если глагол *baui-* указывает на равномерное продолжение действия в небольшом по протяженности отрезке времени, то глагол *yabu-* придает деепричастному сочетанию значение действия в движении или продолжительности действия, например: *Unfaxan-u qoqina bey-e-ese gerel xarxi yabuba* /A II, 150/ "После того как заснял, из тела излучался /появлялся/ свет"; *Jingdei qaxan-i ta jaxaju yabunam. Tan-dur ulü jokiqu man-dur asa gebe* /A II, 100/ "Вы распоряжаетесь Джиндей-ханом. Вам он ни к чему, отдайте нам". В первом предложении действие происходило в прошлом, причем как длящийся процесс. Во втором - действие предстает как длящееся в настоящем, относящееся к моменту речи. Сочетание *-ju+zaui-* имеет значение длительного пребывания,

нахождения где-либо, например: *Mön tere Solongy-a ulь-tur yurbanjil dütejü sayuba* /A II, 47/. "В той стране Солонго пробыл /задержался/ три года". Сочетание *-ju+kebe-* "лечь" указывает на затянувшееся действие или положение, в котором пребывает действующее лицо, например: *Sorilduy-a kелеbeei üli болш агулажу кебемii* /A II, 43/. "Я предложил ему помериться силой, но он не согласился и продолжает притворяться". В функции служебных глаголов, указывающих на начинательность действия, направленность его в определенную сторону, употребляются глаголы: *ire-* "приходить", "приезжать", *уаг-* "выходить", "уезжать", *оги-* "входить", *од-* "отправляться" и др.

Сочетание *-ju+ire-* имеет значение направленности действия в эту сторону, а также и того, что действие, начавшись, заканчивается или приближается к концу, например: *Ayan cixurlaju /mordaju /Cui mören-e güyicejü tuqudхaju /daruju/ irebe* /A II, 20/. "Отправившись в поход, догнал их и приехал к реке Чуй"; *Tere negjigül бахују irebe* /A I, 43/. "Производившие обыск спустились с телеги".

Такое же значение придает деепричастному сочетанию и глагол *ayie-* "приближаться", "идти", например: *Tayiciyud metü bayınam таргају айисii gebe* /A I, 100/. "Это вроде тайчигуды, и /они/ разъезжаются".

Сочетание *-ju+уаг-* имеет значение направленности действия откуда-либо, указывает на его начало или законченность, например: *Nigen inu цуаузан mori tayilju abcu ireged qan qatun qoyar-i unuхulju Mayin tala-bar dulaxaju yarbai* /A II, 165/. "Один из них отвязал бывшего на привязи коня, усадил на него хана и госпожу, и они бежали через Маинскую степь"; ... *qamtu dobtulju огухад siry-a ahta tani üldejü yarbai* /A I, 45/. "Отправились вместе и угнали соловых меринов"; *Mögin inu yurban kö-iyer yeke modun qarayiju уагба* /A II, 178/. "Конь его перепрыгнул тремя ногами большое дерево". Сочетание *-ju+оги-* имеет значение направленности действия во внутрь чего-либо, а также указывает на начало действия с нарастающей интенсивностью, например: *Tenggli-ben quхuraxdaju уабахан-iyar*

oi-dur kürsü oru-a kemeldütele ... /A I, 51/ "Сломалась ось телеги, доберемся до леса пешком,- сказала /старуха/";
Çinggis qağan basa ögülerün: namayı eyümün bolju keften bögetele niçugen yakin güyijü oruba ci /A I, 92/. "Чингисхан снова сказал: "Как же ты убежал /в стан врага/ раздетым, пока я вот тут так лежал."

Иногда в таком же значении употребляется сочетание деепричастия с глаголом talbi- "класть", "ставить", например: Çiledü ayıju qurdun quba-yuğan deldüged Onan mören ögede joğun /Jorin / dutaxaju talhıba /orulduba / /A I, 22/. "Чиле-ду испугался и, изо всех сил погоняя своего быстрого ко-ня, бежал по направлению к реке Онон". Сочетание -ju+od- придает действию значение его законченности или достижения цели действующим лицом, например: Qonoğcin emegen böger-e alay üker-iyen deledüged üdter-ken nekekü bolun tergen-ü tenggli qujurcu odbai /A I, 51/. "Старуха Хоногчин так гнала своих пегих быков, что ось телеги сломалась"; Nigen edür sıy-a ayta nayıman ger-ün dergede bayıju büküi-dür, degeremedju odbai /A I, 43-44/. "Однажды грабители увидели возле юрты во-семь соловых меринов и украли их"; Ese uruxsan maıu-yi ende talbijı od /A II, 25/ "Всех необученных оставь здесь!".

Сочетание -ju+orki- "бросать", "оставлять", "покидать" придает действию значение полной законченности, завершенности, иногда с оттенком некоторой внезапности или резкости, на-пример: Qabur-un nigen edür... tabun köbegüd-iyen qurıyaju, Jergelegülju sayulıyad nijiged mosüni barıyulju köbegün quzulıxtun kemen ögbesü, köbegüd inu quzulju orkiba /A I, II/. "Однажды весной собрала она своих пятерых сыновей, посадила их рядом, дала каждому по одному прутику и велела сло-мать, сыновья сломали"; Kitad-un Qongqu qağan-u köbegün Jajur-a qağan-i barıju küjügün-dür inu mönggün tamağ-a datıju üldejü orkiba /A II, 126/. "Сын китайского Хунхуа-ха-на поймал Дзагура-хана, приложил ему на шею серебряную пе-чать и вытнал".

Сочетание -ju+ab- "брать", "взять" имеет значение со-вершения действия в пользу или в интересах действующего ли-

ца, например: Ède yurban merked erten-ü Ogelen-ü eke-yi Yete Ciledü-ese buliyaju abuluy-a kemen edüge tere ösil ösin

iregeen ajuru /A I, 52/. "Это были трое меркитов, явившиеся стоить за то, что когда-то у Ихэ Чиледу отобрали Болук Эке"; Köbegün degüi ner cinu cimai-yi buliyaju abur-a irebei /A I, 109/. "Твои сыновья и братья собираются отбить тебя /у врагов/".

Сочетание -ju+ög- "давать" имеет значение направленности действия в чью-либо сторону или совершения действия в интересах какого-либо лица, например: Tere kümün qayan-iyun yajar-tu bolqasan-i jiyaju ögbe /A II, 148/. "Тот человек указал /врагам/ местонахождение своего хана"; Tere kümün irejü Singgis qayan-a ene üge-yi inu ögüleju ögbe /A I, 94/. "Тот человек прибыл и передал Чингис-хану его слова"; Èjen altan saxaday-açayan singrutu jebegen suyulju ögbe /A I, 101/. "Государь вытащил /для него/ из своего колчана стрелу".

Однако в этом сочетании значение направленности действия или заинтересованности в его осуществлении присутствует не всегда. Оно может обозначать и просто полную завершенность действия, например: Qoyina mongxoljin-i Qosoi Tabunung Temürgen qoyar oquju ögbe /A II, 175/. "Потом вошли монголы Хосой Таунан и Текурген"; Qongsiyar inu taxu qarbuju ögbei /A II, 94/. "Престрелил птице голову".

В сочетании с модальными глаголами cida- "мочь", "уметь", "быть в состоянии", yada- "не мочь", "не быть в состоянии", bol- в значении "разрешается", "можно" или с отрицательной частицей "нельзя" соединительное деепричастие имеет модальное значение возможности /невозможности/, затруднительности в совершении обозначенного в глагольной основе действия, например: Tedüi Belgetei abuyad köbcileju eke cidabai /A I, 79/. "Тогда Бельгудей взял /лук/, но не смог натянуть тетиву"; Tayičirud bolbau taniju yadabai, merged buyu medeju yadaba, mongxul buyu bolaju yadaba /A I, 100/. "Были ли это тайчи-гуды, не мог распознать, меркиты ли, не мог узнать, монголы ли, не мог рассмотреть"; Bodung ögüier-ün: örlüge qoor-a-tu siçayan sira eriyen moçai bolqu, tegün-dür bariju ulü bolqu, üdedu küren ereyen bars bolqu, tegün-dür bariju ulü bolqu, udesi çuba sira

kobegün bolju, qatun-lux-a nañadju sañuqu bui, tegün-dür
bariju bolqu geñü kelebe /А II, 96/ "Бодон

сказал: "Утром превращается в ядовитую пестро-желтую змея,
тогда поймать нельзя; в полдень превращается в пестро-рыжего
барса, тогда /тоже/ поймать нельзя; вечером превращается в
прекрасного русого вьюгу и развлекается с госпожой, /вст/
тогда можно поймать".

Принятие сокращения

А I - Altan Tobči, degedü debter, Ulañanbañatur, 1937.

А II - Altan Tobči, dooradu debter, Ulañanbañatur, 1937.

Список цитируемой литературы

1. Амоголснов Д.Д. Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
2. Бертагаев Т.А. О синтаксических особенностях деепричастных сочетаний I-ой группы. Сб. акад. В.В.Виноградову к его 60-летию. М., 1956.
3. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
4. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948.
5. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М., 1956.
6. Пагва Т. Вспомогательные или служебные глаголы в современном монгольском литературном языке. Улаанбаатар, 1961.
7. Перевозчиков Н.П. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
9. Рамштедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. М., 1957.
10. Санжеев Г.Д. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л., 1941.
11. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
12. Сулик О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.-Л., 1962.
13. Сырмятников Н.А. Система времен в новояпонском языке. М., 1971.
14. Цыдыпов Ц.-Э. Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.